

философия в бундаре

эстетика

флоракль и курраль

двойное испытание

заманательные истории,
новеллы и фэблио

Маркиз де Сад

Маркиз де Сад
Одураченный президент
Серия «Занимательные истории,
новеллы и фаблио», книга 25

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166632

Текст предоставлен Институтом соитологии: *Продолжение Жизни*; Москва; 2003
ISBN 5-94730-015-X

Содержание

Маркиз де Сад	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Маркиз де Сад Одураченный президент

*Я так хочу ослов ославить сих,
Чтоб лет на двадцать каждый приутих...*

Драгунский полковник маркиз д'Оленкур, живой, остроумный и обаятельный, со смертельным огорчением взирал на то, как его свояченицу мадемуазель де Тероз собираются отдать в руки одного из самых ужасных людей, когда-либо существовавших на земле. Эта восемнадцатилетняя девушка, свежая, как Флора, и сложенная, как грации, вот уже четыре года обожаемая молодым графом д'Эльбеном, вторым в полку лицом после д'Оленкура, с не меньшим содроганием ожидала рокового мига, который, соединяя ее с предназначенным ей супругом, наводящим на нее лишь тоску и уныние, должен был навеки разлучить ее с единственным мужчиной, достойным ее любви. Но как этому воспротивиться? Престарелый отец мадемуазель де Тероз был упрямый ипохондрик и страдал подагрой. Этот человек, к несчастью, вообразил себе, что на чувства его дочери к будущему супругу более всего повлияют не их взаимное соответствие или какие-то особые качества того, а исключительно рассудительность, зрелый возраст и главное – положение супруга, а более всех других сословий де Тероз предпочитал судейское, считая его наиболее влиятельным при монархическом строе. Только с человеком в судейской мантии его младшая дочь непременно может стать счастливой, считал он. Однако старшую дочь старый барон де Тероз выдал за военного, и хуже того – за драгунского полковника. И эта дочь, чрезвычайно счастливая во всех отношениях, не имела никаких оснований раскаиваться в отцовском выборе. Но это еще ни о чем не говорило. Замужество старшей дочери лишь случайно оказалось удачным, рассуждал барон, истинное и полное счастье честной девушки может составить только судейский. Значит, следует подыскать судейского; среди всех знакомых представителей этого звания наиболее приемлемым, на взгляд старого барона, оказался некий господин де Фонтани, президент парламента Экса, с кем барон некогда водил знакомство в Провансе. Исходя из этих соображений, именно господину де Фонтани предстояло назваться супругом мадемуазель де Тероз.

Не многие знают, что представляет собой президент парламента Экса, – это животное особой породы, о котором много говорят, толком ничего не зная о нем. Как правило, это ригорист по призванию, мелочный, болтливый, упрямый, тщеславный и полностью обделенный мужеством и умом; с головой, задранный, как у гуся, с ужимками Полишинеля, сухопарый, длинный, тощий и смердящий, как труп. Можно сказать, что вся желчность и непреклонность судебного ведомства королевства нашла свое пристанище в провансальском храме Фемиды, чтобы оттуда изливаться всякий раз, когда нужно пригрозить французскому двору либо повесить кого-нибудь из граждан. Но господин де Фонтани явно перещеголял этот тусклый набросок портрета своих коллег-земляков. Тщедушную и даже чуть сгорбленную фигуру, очертания которой мы только что обрисовали, увенчивал череп с узким, чуть приплюснутым, сильно вытянутым затылком и желтоватым лбом, в торжественных случаях величественно прикрытый париком невиданного даже в Париже фасона. Пара кривоватых ножек не без труда передвигала по земле это шаткое сооружение. Из груди его, не без некоторых неудобств для ближних, исходил визгливый голос, с пафосом декламирующий длинные полуфранцузские-полупровансальские комплименты. Сам он при этом никогда не упускал случая улыбнуться, настолько широко разевая рот, что на всеобщее обозрение выставлялась чернеющая до самого язычка пропасть, лишенная зубов, усеянная гнойниками и сильно

напоминающая дыру небезызвестного седалища, которое, учитывая несовершенное устройство нашего рода человеческого, одинаково часто служит треном как королям, так и пастухам. Помимо своих физических прелестей, господин де Фонтани имел еще и притязания на ученость. После того как однажды ночью ему приснился сон, будто он вознесся на небеса вместе со святым Павлом, он стал мнить себя величайшим астрономом Франции; а уж о законодательстве он рассуждал точно Фаринациус и Кюжас. Он часто ссылался как на имена сих великих людей, так и на имена его собратьев – отнюдь к великим не причтенным, – что жизнь каждого гражданина, его благосостояние, честь его и семья, то есть все священные основы общества, равным счетом ничего не значат, если речь идет о раскрытии преступления. Во сто крат достойнее рисковать жизнью пятнадцати невинных, нежели спасти одного виновного: даже если парламент ошибется, Небо поправит эту ошибку. Наказание невинного в конечном счете оказывается благотворным, ибо душа его попадает в рай, в то время как спасение виновного приумножает преступления на земле. Единственный разряд существ, за которым одетая в броню душа господина де Фонтани признавала право на снисхождение, было сословие шлюх. И вовсе не оттого, что он часто пользовался их услугами (хотя он и был горяч, орудие его изрядно притупилось и поизносилось, а потому желания его всегда простирались куда дальше его возможностей), просто наш господин де Фонтани вознамерился донести свои знаменитые и славные деяния до последующих поколений, и этим объяснялись его старания. Быть снисходительным к жрицам Венеры этого известного магистрата побуждало и то, что он считал их весьма полезными гражданками государства, ибо, используя их козни, клеветничество и болтливость, удавалось разоблачить множество скрытых преступлений. Господин де Фонтани видел в этом благо, ибо был заклятым врагом того, что философы называют человеческими слабостями.

Это гротескное соединение остготской внешности и Юстиниановой морали впервые покинуло пределы города Экса в апреле 1779 года и по настойчивой просьбе господина де Тероза, хорошо с ним знакомого с давних пор, по причинам, малоинтересным для читателя, направилось на жительство в гостиницу «Дания» – неподалеку от той, где остановился барон. Тогда был сезон Сен-Жерменской ярмарки, и все обитатели гостиницы подумали, что сие необыкновенное творение природы приехало на ней показаться. Одно из тех услужливых созданий, что всегда предлагают помощь при устройстве публичных зрелищ, даже готово было переговорить с Николе, который с радостью предоставит ярмарочный балаган, если только магистрат не решит дебютировать у Одино. Президент сказал (Читатель уже знает, что все реплики президента следует произносить с провансальским грассированием, хотя в орфографии нет на то указаний. (Прим. автора.): «Еще когда я был малым ребенком, нянька предупреждала меня, что парижане – народ язвительный и насмешливый – никогда не воздадут должное моим добродетелям. А вот мой цирюльник все же успокоил меня: мол, парик мой внушит им уважение. Славный народ: шутит, когда подыхает с голоду, и поет, когда его давят... О! Я всегда его поддерживал. Ему бы еще инквизицию, как в Мадриде, и вечно воздвигнутый эшафот, как у нас в Эксе».

Тем временем господин де Фонтани, слегка приведя себя в порядок, еще более облагородил блеск своих шестидесятилетних прелестей, и после нескольких опрыскиваний розовой и лавандовой водой (впрочем, как замечал

Гораций, благовоениями ублажают себя не только честолюбцы), – так вот, после такого туалета, а может, и других ухищрений, оставшихся нам неизвестными, президент собрался предстать перед своим старым другом бароном. Двери раскрываются; объявляют о прибытии президента, и он входит. Господину де Фонтани не повезло: обе сестры и маркиз д'Оленкур, как сущие дети, забавляются, лицезрея эту оригинальную фигуру, и, несмотря на все усилия, им не удастся подавить приступ смеха, от чего уверенный в себе дотоле президент несколько смешался. Он долго разучивал перед зеркалом приветственный поклон и испол-

нял его довольно сносно. Но проклятый смешок, вырвавшийся у молодых людей, заставил президента остаться в дугообразном положении гораздо дольше, чем он предполагал. Наконец он выпрямился. Строгий взгляд барона призвал троих его детей к почтению, и завязалась беседа. Барон проворно взялся за дело. Предварительные переговоры были закончены, и уже по завершении первой встречи он объявил мадемуазель де Тероз, что это и было лицо, предназначенное ей в супруги, и что ее рука будет ему отдана не позднее чем через неделю. Мадемуазель де Тероз не произнесла ни слова; президент уехал, и барон еще раз повторил, что ждет от нее послушания. Условия были жесткие: прекрасная девушка не только обожала господина д'Эльбена и была им боготворима, но, будучи слабой и чувствительной, уже имела несчастье позволить своему очаровательному возлюбленному сорвать цветок, отличающийся от роз, – с которыми его порой сравнивают, – тем, что не наделен, подобно им, способностью возрождаться каждую весну. Что же подумает господин де Фонтани, президент парламента Экса, увидев, что за него уже потрудились? Пусть провансальский магистрат и наделен многими забавными чертами – они неотъемлемая часть судейского сословия, – но уж в девственности-то он должен разбираться. Приятно хоть раз в жизни обнаружить ее в своей жене! Вот что настораживало мадемуазель де Тероз; несмотря на излишнюю шаловливость и резвость, ей хватало тонкости осознать всю щекотливость положения. Женское чутье безошибочно подсказывало, что муж не станет уважать ее, если узнает, что она не почитала его еще до своего с ним знакомства. Нет ничего более живучего, чем такого рода предрассудки: нужно, чтобы несчастная девушка не только пожертвовала всеми сердечными привязанностями ради мужа, подобранного ей родителями, но она еще и будет считаться преступницей, если до встречи с тираном, который собирается ее поработить, осмелилась прислушаться к зову природы и на миг отдаться своим чувствам. Мадемуазель де Тероз поведала свои печали сестре. Для той живость чувств стояла превыше показной скромности, а милая снисходительность была куда важнее богобоязненности; она расхохоталась как безумная, услышав это признание, и тотчас поделилась им с мужем. Супруг был настроен серьезнее: он решил, что следует остерегаться предоставлять взорам служителей Фемиды разгромленное и надломленное состояние столь важного для них предмета. Господа магистраты с этим не шутят. Он забеспокоился, как бы в городе, где навсегда воздвигнут эшафот, его бедная свояченица вскоре не взойшла на него в качестве искупительной жертвы нарушенного целомудрия. Маркиз стал приводить цитаты: иногда, особенно после обеда, он проявлял эрудицию. Он доказывал, что Прованс был в свое время египетской колонией, а египтяне очень часто приносили в жертву юных девушек, и будет ничуть не удивительно, если президент парламента Экса, который по сути не кто иной, как потомок египетского колониста, велит перерезать его сестричке самую хорошенькую в мире шейку...

– Эти президенты-колонисты – настоящие палачи. Им отрезать чью-нибудь голову проще, чем вороне сбить орехи. По справедливости это или вопреки ей – они не приглядываются столь пристально. Ригоризм, подобно Фемиде, имеет на глазах повязку, наложенную глупостью, а в городе Эксе философия никогда ни на один миг ее и не приподнимала...

Итак, было решено объединиться: граф, маркиз, госпожа д'Оленкур и ее очаровательная сестра собрались отобедать в домике маркиза в Булонском лесу. И там строгий ареопаг в загадочном стиле – напоминающем пророчества кумской сивиллы или ордера на арест, выдаваемые парламентом Экса, который под видом причастности к египетским туземцам порой пользуется правом писать иероглифами, – приговаривает президента к женитьбе без женитьбы. Приговор вынесен, роли распределены, и все возвращаются в дом барона. Юная невеста не чинит отцу никаких препятствий. Д'Оленкур с женой уверяют, что брак столь прекрасно подобранной пары для них истинный праздник. Они всячески ублажают президента, остерегаются смеяться при его появлении и настолько завоевывают расположение зятя и тестя, что те соглашаются, чтобы таинства супружества были отпразднованы в замке Олен-

кур неподалеку от Мелёна, прекрасном имении, принадлежащем маркизу. Все довольны, один барон сожалеет, что не сможет разделить столь приятного веселья. Однако, если сумеет, приедет навестить молодых. Настает назначенная дата, двое супругов обвенчаны в церкви Сен-Сюльпис ранним утром без всякой торжественности и в тот же день отправляются к д'Оленкуру.

Граф д'Эльбен, переодетый в костюм камердинера маркиза и называющий себя именем Ла Бри, встречает приехавших и, накормив ужином, препровождает супругов в брачные покои, убранные и обустроенные под его руководством; исправность всей хитрой механики была проверена также лично им.

– Поистине, милочка, – говорит влюбленный провансалец, как только оказался наедине с новобрачной, вы наделены прелестями самой Венеры, *caspita* (Провансальское проклятие (*Прим. автора.*); не знаю, где вы их раздобыли: даже объехав весь Прованс, не отыщешь ничего подобного).

Затем, ощупывая поперх юбок несчастную новобрачную, не знающую, смеяться ей или плакать, он приговаривает:

– Ах, что тут, что там, суди меня Господь за снисходительность к потаскухам, но уж под этими-то нижними юбками мать наслаждений припасла для меня многое.

Тут входит Ла Бри, принося два золотых сосуда, и подносит один из них юной жене, а другой предлагает господину президенту.

– Выпейте, целомудренные новобрачные, – говорит он, – и пусть каждый из вас найдет в этом напитке подарки любви и приношения Гименея.

И, видя, что магистрат колеблется, Ла Бри спешит добавить:

– Таков, господин президент, парижский обычай, восходящий к временам крещения Хлодвиг: у нас принято, прежде чем совершить предстоящее вам обоим таинство, в этом очистительном и смягчающем нектаре, благословленном самим епископом, почерпнуть необходимые силы.

– Ах, черт возьми, охотно, – отвечает судейский, – давайте, давайте, друг мой!.. Паклято у меня есть, чтобы все щели законопатить, но если ее еще запалить, ой, бедная твоя хозяйка, – я натворю такое...

Президент проглатывает питье; юная новобрачная следует его примеру; прислуга удаляется, и молодожены укладываются в постель. Но тут же президент испытывает необыкновенно острую боль в кишках и настоятельную необходимость удовлетворить естественную надобность своего немощного организма со стороны, противоположной той, что надобна в первую брачную ночь. Не обращая внимания на то, где он находится, без всякого почтения к той, что разделяла с ним ложе, он заливаает кровать и ее окрестности целым потоком желчи, да столь значительным, что напуганная мадемуазель де Тероз едва успевает спрыгнуть с постели и позвать подмогу. На зов прибегают господин и госпожа д'Оленкур: они не ложились спать и оказались на месте мгновенно. Ошеломленный президент завертывается в простыни, стараясь не показываться, не отдавая себе отчета, что чем старательнее прячется, тем больше пачкается. В конце концов он начинает внушать такой ужас и омерзение, что юная супруга и все присутствующие уходят, горячо сетуя по поводу его плачевного состояния и заверяя, что тотчас пошлют уведомление барону, чтобы тот безотлагательно прислал в замок одного из лучших столичных врачей.

– О силы небесные! – причитает потрясенный президент, оставшись в одиночестве. – Какое злосчастье! Я полагал, что только в нашем дворце правосудия при виде цветов лилии можно так выйти из берегов, но чтобы в первую брачную ночь, да в постели с молодой бабенкой, – это просто непостижимо!

Некто Дельгац, лейтенант из полка д'Оленкура, который для надзора за полковыми лошадьми прослушал два или три урока в ветеринарной школе, является на следующий день,

присвоив себе звание и заслуги одного из самых известных сыновей Эскулапа. Господину де Фонтани посоветовали появляться только negligé. Госпожа президентша де Фонтани (впрочем, мы пока еще не вправе называть ее этим именем) не стала скрывать от мужа, что находит его весьма интересным в этом костюме. Он надел приталенный, в красную полоску халат из желтого сатина, украшенный с лицевой стороны и с изнанки, а под ним коричневый кисейный набрюшник и матросские штаны того же цвета; на голове у него был колпак из красной шерсти. Все это, оттеняя его благородную бледность после вчерашнего несчастного случая, внушало такую возросшую любовь мадемуазель де Тероз, что она не покидала его ни на четверть часа.

– Бедняжка, – приговаривал президент, – как она меня любит! Поистине, вот женщина, которую небо назначило для моего счастья. Прошлой ночью я оконфузился, но не вечно же меня будет так проносить.

Тем временем прибывает лекарь. Он щупает пульс больного, удивляясь его слабости. С помощью афоризмов Гиппократ и комментариев Галена он наглядно объясняет, что если президент за ужином не подкрепит полудюжиной бутылок испанского вина или мадеры, то ему будет не под силу успешно сорвать предложенный ему цветок. В отношении недавнего несварения желудка он заверил, что это пустяк.

– Сие происходит, сударь, – сказал он президенту, – оттого, что желчь недостаточно хорошо профильтровалась в сосудах печени.

– Но, – вступает в разговор маркиз, – надеюсь, этот приступ не опасен.

– Прошу простить меня, сударь, – серьезно отвечает служитель святилища Эпидавра, – в медицине не существует мелких причин, которые не могли бы привести к самым тяжелым последствиям. И глубинная суть нашего искусства – приостановить симптомы на начальной стадии. Легкое недомогание может привести к резкому ухудшению общего состояния организма президента. Инфильтрованная желчь, направляемая через дугу аорты в подключичную артерию, затем перенесенная оттуда через сонную артерию в нежнейшие субстанции мозга, искажает циркуляцию низших духовных энергий, что прекращает их естественную жизнедеятельность и может привести к возникновению помешательства.

– О Небо, – причитает мадемуазель де Тероз в слезах, – мой муж сумасшедший, сестра моя, мой муж сумасшедший!

– Успокойтесь, сударыня, благодаря моему своевременному вмешательству не случится ничего страшного, и сейчас я уже отвечаю за рассудок больного.

При этих словах радость воцарилась в душах окружающих. Маркиз д'Оленкур нежно обнял новоявленного свояка, засвидетельствовав тому по-простому, без столичных ужимок, свою искреннюю в нем заинтересованность. Дальше речь пошла лишь о развлечениях. В тот день маркиз принимал у себя ленников и соседей. Президент хотел было пойти принарядиться, но его отговорили, не желая лишать себя удовольствия представить его всему окрестному обществу в уже известном нам облачении.

– Ах, как вам к лицу этот наряд! – беспрестанно повторяла злобредная маркиза. – Поистине, господин д'Оленкур, если бы до знакомства с вами я знала, что верховное судебное ведомство Экса скрывает столь обаятельных людей, как мой дорогой зять, торжественно вам заявляю, что старалась бы выбрать мужа исключительно среди членов этого выдающегося собрания.

И президент поблагодарил, нижайше согнувшись и любезно осклабясь. Несколько раз он даже незаметно покрутился перед зеркалами, произнося вполголоса: «Да, видно, я еще хоть куда». Наконец настало время ужина. Мнимого врача задержали до часа трапезы: он сам пил, как швейцарец, и без особого труда сумел убедить недужного следовать его примеру. Позаботились о том, чтобы в непосредственной близости от них находились нужные вина, быстро туманящие мозг. Вскоре президент совсем раскис, как того и добивались. Все подня-

лись из-за стола. Лейтенант, превосходно справившийся с порученной ему ролью, добрался до кровати, отоспался и на следующее утро отбыл восвояси. Нашим же героем завладела женушка, которая повела его к супружескому ложу в сопровождении почетного эскорта. Маркиза, чье обычное очарование еще более усиливалось от выпитого шампанского, уверяла, что он перестарался и она опасается, как бы из-за чрезмерного возбуждения парами Бахуса он и этой ночью не выскользнул из сетей Амура.

– Все это сущие пустяки, маркиза, – ответил президент, – эти два божества-искусителя, соединясь, делают еще более могучими. Что касается разума, то в минуту, когда можно без него обойтись, совершенно безразлично, какому из двух божеств он будет принесен в жертву, – утратишь ли ты его разгоряченный вином или сжигаемый пламенем любви. Мы, магистраты, лучше всех на свете умеем обходиться без разума. Мы гоним его из наших трибуналов так же, как и из своих голов; нам даже забавно попирать его ногами. Именно это превращает наши предписания об аресте в истинные шедевры, ибо, хотя издают их никогда не руководствуясь здравым смыслом, исполняют столь твердо, словно уверены в их непогрешимости. Вы сейчас видите перед собой, маркиза, – продолжал президент, подбирая с пола красный колпак, в минуту забытья слетевший с его плешивого черепа, – да, вы видите воочию одного из лучших умов нашего сословия. Именно я в прошлом году убедил братьев по духу выслать на десять лет из провинции и тем самым навсегда разорить одного дворянина, честно служившего королю, и все из-за пирушки с публичными девками; кое-кто противился, но я настаивал на своем, и собрание прислушалось ко мне. Так что, видите, сударыня, я блюду нравы, чту умеренность и воздержанность, и меня возмущает все, что оскорбляет эти добродетели. Надо быть строгим, строгость – дочь правосудия... а правосудие – мать... прошу простить меня, сударыня, бывают моменты, когда память подводит меня...

– Да, да, как это справедливо, – не унималась маркиза, спеша удалиться и увести с собой остальных, – только смотрите, чтобы этой ночью вас еще что-нибудь не подвело, а не только память! Право, пора уже с этим кончать, друг мой, моя бедная сестричка так вас обожает, не может же она вечно довольствоваться подобным воздержанием.

– Не опасайтесь, сударыня, ничего не опасайтесь, – продолжал президент (проводя маркизу, он пытался устоять на ногах), – не страшитесь ничего, клянусь, завтра я верну ее вам уже госпожой де Фонтани, и это так же несомненно, как то, что я человек чести. Не правда ли, малышка, – не умолкал этот судейский крючок, возвращаясь к своей супруге, – вы позволите мне этой ночью завершить нашу работу... Вы видите, как все этого жаждут, нет никого в вашем семействе, кто не счел бы за честь породниться со мной: ничто так не льстит дому, как наличие в нем магистрата.

– Да кто же в этом сомневается, сударь, – отвечает юная особа, – уверяю вас, что я, со своей стороны, никогда не испытывала такой гордости, какую переживаю с тех пор, как меня называют госпожой президентшей.

– Верю в это без труда, а теперь, ну-ка, раздевайтесь живехонько, солнышко мое, что-то я нынче огруз, надо бы по возможности побыстрее завершить нашу операцию, пока сон окончательно меня не свалит.

Но мадемуазель де Тероз, следуя обычаю новобрачных, никак не могла закончить свой туалет: то она не находила какого-то необходимого предмета, то бранила горничных, и конца этому не видно было. Президент, не в силах больше терпеть, решил улечься в кровать и уже оттуда выкрикивал добрых четверть часа:

– Ну идите же, черт подери, идите же! Не понимаю, что вы там делаете, еще немного времени – и будет поздно.

Однако ничего не менялось, а в состоянии опьянения, в котором пребывал наш новый Ликург, было довольно трудно, приложив голову к подушке, не заснуть. Он и не устоял перед

этой насущнейшей потребностью и, прежде чем мадемуазель де Тероз успела переменить сорочку, захрапел так, словно успел осудить какую-нибудь марсельскую потаскуху.

– Он уже хорош, – говорит граф д'Эльбен, неслышно входя в спальню в ту же минуту, – иди сюда, душенька, иди ко мне и подари минуты блаженства, которые хотело у нас похитить это животное.

И он увлекает за собой трогательный предмет своего поклонения. В брачных покоях гаснут свечи. Пол мгновенно устилается тюфяками, и, по условленному сигналу, часть кровати, занимаемая почтенным судьей, отделяется от остального ложа и посредством специальных приспособлений поднимается на двадцать футов от пола. Состояние беспробудного сна, в коем пребывал наш законодатель, не позволило ему ничего заметить. Тем не менее к трем часам утра, разбуженный некоторым переполнением мочевого пузыря и вспомнивший, что рядом на столике был сосуд, призванный его облегчить, он шарит по сторонам: сначала удивляется, что вокруг пустота, затем подается вперед всем телом. Кровать, держащаяся лишь на веревках, сообразуясь с перемещением находящегося на ней веса, в конце концов становится подобной качелям и выбрасывает на середину комнаты отягчающий ее груз: президент падает на заботливо припасенные тюфяки. Изумление его столь безгранично, что он принимается реветь как бык, которого ведут на бойню.

– Э... что за чертовщина, – бормочет он, – сударыня, сударыня, вы наверняка здесь, вы понимаете что-нибудь в этом падении? Я лег вчера в четырех футах от пола и вдруг, чтобы достать мой ночной горшок, плюхаюсь с высоты в двадцать футов.

Никто не вмешивает этим жалким стенаниям, и президент, в сущности не так уж плохо устроившийся, отказывается от дальнейших поисков и заканчивает ночь так, словно провел ее на своей скромной провансальской постели. После падения отделявшаяся часть ложа была полегоньку спущена и приложена к остальной, так что казалась целой и неделимой кроватью. Около девяти часов утра мадемуазель де Тероз тихо входит в комнату. Тотчас же она распахивает все окна и вызывает звонком своих горничных.

– Поистине, сударь, – говорит она президенту, – ваше общество, надо признаться, не из приятных, и я всенепременно пожалуюсь моей семье на ваше обхождение со мной.

– Что здесь происходит? – говорит протрезвевший президент, протирая глаза и так и не находя объяснения своему падению на пол.

– Как это – что происходит? – говорит юная супруга, разыгрывая негодование. – Когда, подвигнутая своей привязанностью к вам, я этой ночью приближаюсь к вашей особе, чтобы получить подтверждение подобных же чувств с вашей стороны, вы с яростью отталкиваете меня и сбрасываете на пол...

– О Небо праведное! – вздыхает президент. – Послушайте, малютка, я начинаю что-то понимать в этом приключении... Тысячу раз прошу прощения. Этой ночью, испытывая малую нужду, я всячески искал способы удовлетворить ее и все время устремлялся под кровать, наверное, я и вас увлек за собой. Я заслуживаю прощения, поскольку мне приснился сон, будто я свалился с высоты двадцати футов. Но это не страшно, не страшно, ангел мой, отложим утеху на ближайшую ночь, ручаюсь, что буду соблюдать себя. Ничего, кроме воды, не стану пить. Ну поцелуйте же меня, сердечко мое, помиримся, прежде чем показываться людям, иначе я буду считать, что вы на меня дуетесь, а я ваше расположение даже на королевство не променяю.

Мадемуазель де Тероз соглашается подставить одну из своих розовых щечек, еще не остывшую от любовного огня, под гнусные поцелуи старого фавна. Появляется наша компания, и двое супругов старательно скрывают ночное фиаско.

Весь день прошел в развлечениях и в прогулках; удаляя господина де Фонтани от замка, они давали время Ла Бри подготовиться к новым действиям. Президент твердо решил довести свою женитьбу до конца и так осторожен был в еде, что с этой стороны трудно было

найти средство для помутнения его разума. К счастью, на вооружении еще оставались другие не менее действенные способы. Наш замечательный Фонтани имел слишком много врагов, сговорившихся против него, и не мог выскользнуть из их капканов. Итак, вновь наступает время отправиться в постель.

– О, этой ночью, ангел мой, – говорит президент своей юной половине, – тешу себя надеждой, вы от меня не уйдете.

Но мало прикидываться храбрецом, надо было еще привести свои грозные орудия в должное состояние. И, поскольку у него было намерение приступить к штурму по всем правилам, наш горемычный провансалец проделывал в своем уголке в ожидании подруги невероятные упражнения: он вытягивался, напрягался, все мышцы его вздувались, а сам он оказывал давление на постель в два или три раза более сильное, чем если бы он лежал неподвижно. Наконец все его движения привели к тому, что рухнули заранее подпиленные балки пола и злосчастный магистрат кувырком полетел в хлев со свиньями, находившийся прямо под спальней. В замке Оленкур долго обсуждали, кто должен был более удивиться: президент, очутившийся среди этих тварей, столь привычных на его родине, или же животные, увидев в своем обществе одного из самых знаменитых членов парламента Экса. Некоторые присутствующие утверждали, что удовлетворение должно было быть равным и взаимным, ведь на деле президент должен был бы вознестись до небес от радости, что отыскалось общество, где он может хоть на миг вдохнуть тот особенный запах, что зовется с некоторых пор местным колоритом, а со своей стороны нечистые твари, запрещенные праведным Моисеем, разве не должны благодарить небо за то, что наконец-то во главе их оказался законодатель, да еще из парламента Экса, привыкший чуть ли не с младенчества выносить приговоры, вести процессы, улаживать и предотвращать споры, связанные с копанием в грязи – столь излюбленной стихии этой славной скотинки.

Как бы там ни было, знакомство не осуществляется с налету. И цивилизация – мать учтивости – продвинулась ничуть не дальше среди членов парламента Экса, нежели среди презираемых иудеями свиней. Сначала возникло некое замешательство, в ходе которого президент отнюдь не стяжал лавров: он был разбит, смят, атакован рылами хрюшек. Он проносил ремонстрации – его не слушали. Пообещал внести в реестры – никакого эффекта. Принял постановление – никакого смущения в рядах нападающих. Пригрозил высылкой – его затоптали ногами. И отчаявшийся Фонтани, весь в крови, разрабатывал уже приговор к смерти на костре, когда к нему подоспела помощь.

Это были Ла Бри и полковник. Вооружившись факелами, они старались освободить магистрата из грязи, в которой он захлебывался. Правда, спасателям трудно было к нему подступиться. Он был основательно отделан с ног до головы и распространял такой аромат, что даже прикоснуться к нему было страшно. Ла Бри раздобыл одни вилы, тут же вызвали конюха со вторыми и, как смогли, вытащили страдальца из отвратительной клоаки, в которую он обрушился при падении... Возникла новая трудность – куда его теперь отнести? и ее не просто было разрешить. Следовало отменить постановление и смыть позор с виновного, полковник даже предложил выдать свидетельство о снятии судимости; но тут конюх, ничего не смыслящий в этих высокопарных словах, изрек, что президента просто нужно на пару часов поместить в водопойную колоду, а когда он уже достаточно отмокнет, можно обтереть жгутами соломы, и он засияет, как новехонький. Маркиз, однако, возразил, что холодная вода может ухудшить состояние здоровья его брата, на что Ла Бри заметил, что бак для мытья посуды у подручного кухарки еще полон теплой воды. Президента отнесли на кухню, вверяя его заботам ученика Кома, который в один миг сделал нашего героя чистым, как фаянсовая миска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.